

МЕСТА ЛИТЕРАТУРНЫЕ

Лит. Россия 1983, 10 июня

ПОСЕРЕДИНЕ тихой Погодинской улицы, продолжающей Плющину до Новодевичьего монастыря, стоит бревенчатая, в два этажа, русская изба с высокой тесовой крышей, с резным и расписным декором по фасаду, с маленьким балкончиком, нависающим почти над головами прохожих. Среди привычных глазу современных зданий, нарушая ранжир и линейный порядок улицы, она выглядит музейным раритетом, забавным и милым в своей оригинальности. Ни памятного знака, ни даже порядкового номера на стене, закрытые ставни и замок на боковой калитке... Впечатление заброшенности и пустоты, несмотря на явные признаки сравнительно недавней реставрации.

Здание это, построенное по проекту Н. В. Никитина (1828—1913), многолетнего председателя московского общества архитекторов, хорошо известно историкам архитектуры как первый удачный опыт профессионального утверждения «русского стиля». Хозяином избы был профессор Московского университета Михаил Петрович Погодин (1800—1875). Ревностный собиратель всевозможных памятников славянской культуры («по охоте — старины любитель», — аттестовал он себя), Погодин сыграл выдающуюся роль в развитии русского музейного дела. В собранной им коллекции хранились памятники письменности, иконы, монеты, оружие, бытовые предметы. Не замыкаясь в чисто археологических интересах, он искал возможность включения в живое русло современного искусства полув забытых или считавшихся «низкими» традиций народного творчества.

Когда на рубеже 30—40-х годов прошлого столетия начались споры о «русском стиле» в искусстве, Погодин одним из первых стал настаивать на необходимости изучения подлинных памятников старины, народного быта. «Когда вы, господа художники, познакомитесь хорошо с нашими остатками, напитаетесь, глядя в них, духом древности, обогатитесь ее разными формами и частями, тогда, и только тогда, сможете вы, сообразно с

НА ДЕВИЧЬЕМ ПОЛЕ, У ПОГОДИНА

ними, создавать и целое», — говорил он.

А в 1856 году Погодин решил на удивление всей аристократической Москве построить крестьянскую избу как пример современной жилой архитектуры. «Что ваша новая книга из бревен, то есть изба? — писала историку поэссе графиня Ростопчина. — Я слышу, что она заменила вам и «Москвитянина», и Мстиславов Ростиславичей, и все прежние ваши страсти».

Погодин получил избу в подарок от В. А. Кокорева, знаменитого в прошлом веке промышленника и банкира. Выходец из старообрядческой семьи, помещик Солигалича, Кокорев к сорока годам стал всероссийской известностью, своим человеком в министерских департаментах и в редакциях литературных журналов. Он хорошо писал и еще лучше говорил, прослав «Златоустом купеческих собраний». С. Т. Аксаков назвал Кокорева «чудным произведением русской природы».

Громко заявив о себе как о человеке деловом и с большими возможностями, Кокорев не отказался и от популярности мецената, в середине пятидесятых годов начал покупать картины русских и европейских художников и в начале 1862 года открыл первую в Москве публичную галерею. Но подлинную любовь он питал к крестьянскому искусству, к рукоделию горшечников, игрушечников, резчиков по дереву. «Чуть ли не первый, Кокорев поставил на стол своего кабинета золотой лапоть, и с этого лаптя началось изучение народного художест-

ва, которое открыло нашему искусству новые горизонты», — писал о нем современник.

Сейчас «русская изба», именуемая по фамилии бывшего владельца, нередко воспринимается как вообще «дом Погодина», напрямую связывается со всем погодинским кругом. Дело в том, что это здание осталось единственным ориентиром интереснейшего уголка литературной Москвы прошлого века.

За двадцать лет до постройки «русской избы» Погодин купил на Девичьем поле обширную по территории усадьбу князя Д. Н. Щербатова, двоюродного брата П. Я. Чаадаева. Огороды усадьбы тянулись чуть не до Москвы-реки, здесь был пруд, всякие службы и флигели. Центром усадьбы, где жил, работал, принимал гостей Погодин, был старый барский дом XVIII века, переживший наполеоновское нашествие.

Вспомним: Пьера Безухова в группе пленных приводили на допрос в ставку маршала Даву «на правую сторону Девичьего поля, недалеко от монастыря, к большому белому дому с огромным садом. Это был дом князя Щербатова, в котором Пьер часто прежде бывал у хозяина...» Герой А. Н. Толстого «знал» это место потому, что сам писатель бывал здесь в гостях у профессора. Работая над «Войной и миром», Толстой чрезвычайно заинтересовался «Историческими афоризмами» М. П. Погодина. Выражение «дифференциал истории», то есть представление о математической закономерности событий, Толстой прямо «заимствовал» у него.

«Погодинская изба».

утверждения исторической законности присутствия «избы» именно здесь? Разумеется, повесить охрannую доску: во-первых, это памятник архитектуры, во-вторых, зримое, вещественное свидетельство целого пласта культурной жизни Москвы.

Я начал свой очерк с закрытых ставен и замка на калитке. Такой видел я избу на протяжении нескольких месяцев. Наконец однажды на калитке я увидел маленькое объявление: такого-то числа состоится лекция о древнерусской архитектуре. В назначенное время я и познакомился с «избой» изнутри.

В тот день ставни, как всегда, были закрыты. На нижнем этаже, распланированном под маленький лекционный зал, собралось человек десять—пятнадцать, так или иначе связанных с районным отделением общества охраны памятников. Оказывается, в «погодинской избе» располагается Ленинский райсовет ВООПИИК, хотя даже вывески, сообщающей об этом, нет. И все же принципиально вопрос надо бы поставить иначе: ни одно учреждение, даже ВООПИИК, не должно находиться в таком уникальном строении. Не для того же отреставрировали избу десять лет назад, чтобы она стояла с закрытыми ставнями и потихоньку рассычалась в ожидании редкой лекции. Здесь должен быть музей, пусть с небольшой, но постоянной экспозицией. Вполне естественна была бы фотовыставка о русской архитектуре или о литературной жизни Москвы 40—50-х годов прошлого века.

Прямая научно-творческая связь могла бы существовать между «погодинской избой» и музеем «Абрамцево». Дело не только в преемственности архитектурных построек, их эстетическом родстве, но и в истории литературных отношений Гоголя, Аксаковых и Погодина. Скромное, стоящее в тихом уголке Москвы строение давало бы возможность прикоснуться к биографии русской культуры XIX века.

Евгений АРЕНЗОН,
заведующий отделом
пропаганды искусства
Музея-заповедника
«Абрамцево»

С бывшим щербатовским домом, в котором, как шутил С. Т. Аксаков, Погодин «зажил владетельным князем», связаны самые светлые воспоминания о московской жизни Н. В. Гоголя. На Девичьем поле он жил месяцами; сюда ему адресовали письма, приходили знакомые; приезжая в Москву, здесь же останавливались его мать и сестры.

В саду Гоголь любил устраивать именинные обеды. В хронике московской литературной истории дважды вошло 9 мая—1840 и 1842 годов. Провожая Гоголя за границу, собиралось в погодинской усадьбе блестящее литературно-ученое общество — давние приятели Пушкина по «Арзамасу» во главе с П. А. Вяземским, поэты-любомудры (А. С. Хомяков, С. П. Шевырев), молодые их последователи К. С. Аксаков и Ю. Ф. Самарин, университетские профессора и актеры московских театров, Е. А. Баратынский, М. Ю. Лермонтов читал здесь «Мцыри»...

Николай Васильевич занимал обыкновенно одну комнату в мезонине, но в задумчивости любил быстро ходить по анфиладе комнат нижнего этажа, пересекая и рабочий кабинет Михаила Петровича. В доме Погодина полный сил и творческих надежд тридцатилетний Гоголь писал первый том «Мертвых душ».

Погодинский дом сгорел во время налета вражеской авиации в 1941 году. Сейчас весь участок плотно застроен, осталась только чудом сохранившаяся «изба» под боком многоэтажных корпусов.

Что необходимо сделать для